

★ НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ! ★

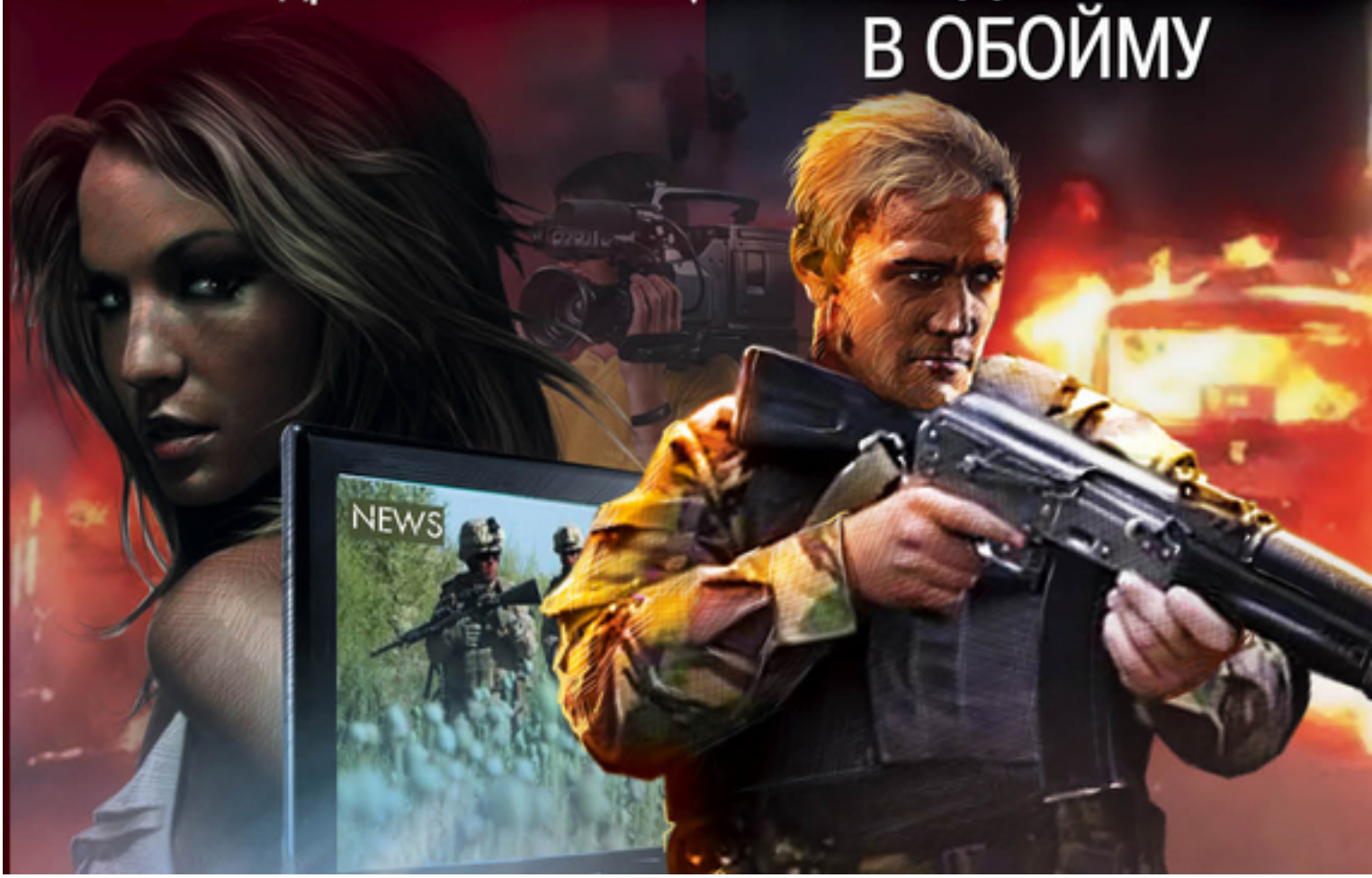
« ГРУППА ★ АНТИТЕРРОР »

СПЕЦНАЗ

Александр АФАНАСЬЕВ

ЖИЗНЬ ДЛИНОЮ
В ОБОЙМУ

Спецназ. Группа Антитеррор

Александр Афанасьев

Жизнь длиною в обойму

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Афанасьев А. Н.

Жизнь длиною в обойму / А. Н. Афанасьев — «Эксмо»,
2015 — (Спецназ. Группа Антитеррор)

ISBN 978-5-699-84189-9

К сотруднику ГРУ по прозвищу Удмурт, работающему в Сирии, обращается агент шведской разведки Абаль с просьбой помочь найти скандальную журналистку Сану, пропавшую в Косово. Сана собирала материалы о наркомафии, что, скорее всего, и стало причиной ее исчезновения. Получив «добро» от своего куратора, Удмурт вместе с Абаль отправляется в Косово, в лагерь боевиков Дудаевича, куда вели следы пропавшей Саны. Удмурт еще не знал, что именно через этот лагерь высокопоставленные чиновники США тайно снабжали Европу наркотиками. Появление в лагере российского спецназовца было для американцев, мягко говоря, крайне нежелательно...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-84189-9

© Афанасьев А. Н., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Тартус, Сирия	6
Бейрут, Ливан	15
Риека, Хорватия	20
Тирана, Албания	25
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Александр Афанасьев

Жизнь длиною в обойму

*Вырванные с корнем дерева,
Правда, перепачканная дегтем.
Тропа в преисподнюю крива.
Интриги и ходы под красным ногтем...*

© Афанасьев А., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Тартус, Сирия

20 апреля 2015 года

Тартус, Сирийская Арабская Республика. Война, которая еще не проиграна – но обязательно будет проиграна. Здесь, в Тартусе, – это понимаешь, как нигде...

Тартус – это город на побережье Средиземного моря, довольно малоизвестный в мире как курорт, но это всего лишь из-за невнимания и небрежения. Чем-то эти места напоминают Крым, Севастополь... хотя и немного совсем. Какой-то... неухоженностью, что ли – при всей красоте местной природы. Горы опять же...

Тартус – оплот сторонников Башара Асада, тут большинство составляют алавиты, странная секта, традиции которой представляют собой смесь Библии и Корана. На втором месте – шииты. Тартус расположен совсем рядом с Ливаном и его долиной Бекаа. Портретами Асада заклеены все стены, они красуются на крышах домов вместе с сирийскими флагами. Здесь никогда не было ни боев, ни терактов – война, кажется, где-то там, далеко. Хотя она ближе, чем кажется, – бои идут уже за перевалы в Ансарийских горах, летом – будет только хуже. До границы с Ливаном – двадцать пять километров, многие собираются в случае чего бежать туда – там давний оплот Хезбаллы, остатки войны, продолжавшейся несколько десятилетий, а те из ансаров, что пытаются направлять туда Исламское государство, – просто пропадают. Некоторых потом находят – со следами жестоких пыток. Не только Хезбалла, но и ХАМАС, и ФАТХ, и все палестинские организации отнюдь не рады появлению проповедников с Востока. Частично это вызвано тем, что они боятся за свое будущее, – сами они несколько десятков лет воюют с Израилем и не добились почти ничего. Исламское же государство за год войны отхватило территорию в несколько раз больше той, на которую претендуют палестинские радикалы. И в эру YouTube скрыть это невозможно. Я слышал, что в палестинских лагерях только за то, что смотрел ролики ИГ в YouTube, положена жестокая порка...

В городе почти не чувствуется войны. Она есть – и в то же время ее нет. Боевики Хезбаллы – да, они есть, ходят по городу с оружием, но ведут себя тихо, ни во что не вмешиваются. Зато в городе полно мужиков призывного возраста, которые вывешивают на стену портрет Башара Асада, но больше ничего не делают¹. Здесь не звучит: «Вставай, страна огромная» – и в каждом населенном пункте с наступающими исламистами сражается только регулярная армия да шабиха – местное проправительственное ополчение. Десяток погибших – это уже жестокий бой. Все для фронта, все для победы – этого нет. Правда, в последнее время видны кое-какие работы по укреплению обороны города – видимо, именно сюда собирается отступать Башар Асад со своими людьми и остатками армии, если падет Дамаск. На случай, если не удастся удержать и побережье, есть остров Арвад со своим портом. Именно там несколько лет отсиживались крестоносцы, которых выбили с материковой территории...

Но пока – затишье. Как я подозреваю – перед бурей...

Делать в городе особо нечего. Даже пляжей здесь нет – только камни, люди ездят загорать либо в Латакию (сирийский Сочи), либо в Ливан, тем более что и недалеко совсем, и инфраструктура там намного лучше. Большое количество сирийцев хоть немного, но знают русский язык и рады гостям. Хотя сколько мне еще тут гостить, знает лишь Всевышний Аллах.

Это снова я. Удмурт из Стокгольма. Здесь я потому, что был вынужден уехать из Стокгольма. Не знаю, раскрыли меня или нет, но береженного Бог бережет. Та операция – в конечном итоге нацеленная на освобождение захваченного пиратами сухогруза с российским оружием,

---

¹ На сайте Глобальная Авантюра один из участников сделал попытку подсчитать мобилизационный ресурс Асада и исламских экстремистов. Вышло, что Асад превосходит по мобилизационному ресурсу ИГ почти в три (!!!) раза. При этом за него еще воюет Хезбалла и кадровые иранские военные КСИР. И на этом фоне – так бездарно сдавать города...

идущего сюда в Сирию, – завершилась целой кровавой эпопеей. Потому что в дело вмешалось ЦРУ.

Американцев удалось чувствительно щелкнуть по носу, но именно щелкнуть, не более того. Кардинально это ситуацию не изменило – ни здесь, в сражающейся местности Сирии, ни на востоке Украины, где идут жестокие бои, ни где бы то ни было еще. Надо понимать: у американцев десять авианосцев, а у нас – один, и тот на приколе, по-моему. И пока это так...

Но с другой стороны, тактику миллиона булавочных уколов никто не отменял. У американцев были авианосцы, но они ничего не смогли сделать с героически сражающимся Вьетнамом. Надеюсь, что и здесь не смогут...

Так что – пока что я здесь. Отсиживаюсь. Жду. В таком деле, как мое, торопиться не надо. Береженого Аллах бережет.

Ну а небереженого – стережет местная авиационная разведка, попадать в руки которой я никому не советую.

Этот день начинался, как обычно. Я проснулся в съемной комнате, около пяти утра – встают здесь рано из-за жары. Комната моя представляла собой ровный квадрат площадью около двадцати квадратных метров. В ней – кровать, кресло и телевизор, последний кроме местного кабеля подключен к нелегальной спутниковой антенне, что позволяет ловить все что угодно – от CNN и до Аль-Джазиры. Еще кондиционер – здесь он обязателен. Рукомойника нет. Душ во дворе – от большого, сваренного на крыше резервуара, в котором за день нагревается вода. Кухни тоже нет – хозяйка сдает комнаты, а столуются туристы в городе. Сейчас война, туристов нет, потому цены упали. Квартира мне обходится всего в двести долларов в месяц, их я передаю хозяйке с каким-то дальним родственником, который все еще здесь. Хозяйка давно в Бейруте. Думает, что от лавины можно убежать. Увы. Нельзя...

Поскольку центр комнаты свободен – сделал несколько упражнений. Пока получается. Но все равно – расслабляюсь. Теряю форму.

Оделся, как местные, то есть в турецкое барахло, рубашку и джинсы – и вышел. Привычно сунул волосок в дверной проем – мало ли...

Столуюсь я обычно в Гемини-Кафе – это неподалеку, в порту. Поскольку я всегда прихожу очень рано, когда посетителей почти нет, хозяин дает мне существенную скидку. Здесь не надо бояться торговаться – цены можно снизить не на проценты, а в разы, если знать, как добиться у продавца уважения. Даже если он продаст тебе в минус – потом отобьет на других. Цена здесь для меня – как для своих, то есть примерно соответствует ценам оптового рынка. А рынок здесь, кстати, хороший. Через него снабжается в том числе и Дамаск...

Хозяин ждет меня на террасе, он лысоват, бреется и похож на бандита. Кухня в Гемини-Кафе международная, рассчитанная на туристов, – и это хорошо. Арабская кухня своеобразная, на любителя. Но есть здесь и местная специфика – например, пирог из грецких орехов.

– Салам алейкум, эфенди Искандер. Киф аль халь?

– Альхамдулиллах, все хорошо. Место свободно?

– Конечно... Прошу.

Мы проходим на террасу. Терраса – огороженная, европейского вида – стоит высоко над морем, здесь бухта изгибается полукругом, и очень хорошо виден город, большая его часть. Здесь город стоит как бы на холме, подходящем вплотную к воде, потому улицы узкие, крутые, а застройка своеобразная, уступами – но не арабская, скорее в испанском стиле. Танжер типа. Или испанские анклавы². Я был и там и там. А вы – наверное, не были. Признавайтесь – не были? Не были. Турция, Египет, Бали. Все с вами понятно. Европа уже там не отдыхает...

---

² Испанские анклавы – шесть анклавов на африканском побережье, которые до сих пор находятся под властью испанской короны. Крупнейшие – Сеута и Марбелья. Часто используются для транзита кокаина, также обнесены заборами из-за того, что в них любой ценой пытаются попасть мигранты из Африки в ЕС. Танжер – бывшая французская колония, до 1956 года – город-государство, по своему своеобразию не уступавший Одессе. После ликвидации международного статуса блеск этого

А я вот о России скучаю...

Нельзя сказать, что я не прижился в Европе, – прижился. Принял, как смог, их правила жизни и даже научился получать удовольствие от буржуазного быта европейских городов. Но все равно – не то это. Чужое. Как ни крути. Что Швеция, что здесь – Тартус. Здесь нельзя просто сесть на лавочку и сидеть под распахнутым синим небом, зная, что тысячи километров в любую сторону – твои и не произойдет ничего плохого...

Ага... хозяин несет первое блюдо. И улыбается, стервец.

– Шукран...

Первое блюдо – это мясо барашка на травах. Рыбу я не ем. Рыба, выловленная в теплых водах, мало того что невкусная, так еще и с запашком. Нет, не порчи – а нефти. С тех пор как израильтяне начали разбуривать офшор³, в воде чего только нет...

– Аля ваджиб⁴...

Хозяин удаляется – а на террасе появляется первая за этот день туристка. И как назло – направляется ко мне. Мельком успеваю заметить дизайнерские джинсы, обтягивающие длинные стройные ноги.

И идет ко мне. Ну да... конечно. Это у нас в России – русские предпочитают держаться друг от друга подальше, и если есть такая возможность – займут все пустые столики. В Европе – отношения совсем другие.

– Я присяду?

Я пожимаю плечами. Показывая тем самым, что не очень расположен к общению. Но девушка садится. Нашла родственную душу – европейца. Интересно, что она тут делает? Экстремалка? Может, приехала в ИГ на секс-джихад? Среди европейцев такое все чаще и чаще. Хотя – а что прикажете делать женщине в стране, где легализованы гомосексуальные браки?

Снова появляется хозяин – улыбка до ушей, если я на него посмотрю, он обязательно подмигнет. Видимо, он считает, что оказал мне услугу, посадив за стол смазливую девицу, – хотя по факту совсем наоборот. Мне не нужны лишние знакомства.

– Кофе.

– Корица? Кардамон?

– С молоком...

Незнакомка говорит по-английски. Судя по всему – следит за весом. Машинально подслушиваю заказ: кофе-латте. Значит, не арабка. Здесь не пьют кофе с молоком – нет такой традиции. Потому что нет молока. А молока нет, потому что нет коров – негде их пасти, нет травы и слишком жарко. В традиционном арабском меню почти нет блюд с коровьим молоком, тем более цельным, – есть только кефир и простокваша.

Я заказываю пирог с грецким орехом, не поднимая головы. Продолжаю есть, чувствуя, как незнакомка смотрит на меня.

Ей что-то от меня нужно.

– Плохое воспитание... – наконец констатирует она.

Я молча киваю. Действительно, у меня очень плохое воспитание. Это подмечали еще учителя в школе.

– Вы Александр Беднов? Нам надо поговорить...

Приносят заказ. Горячий кофе на столе, можно перевернуть стол вместе со всем его содержимым на незнакомку, а дальше одно из двух – либо прыгать вниз, на улицу, либо обыскивать ее.

города потускнел, но все равно это едва ли не самый европеизированный город в Северной Африке.

³ Побережье за 12-мильной зоной.

⁴ Спасибо – не за что (арабск.).

Но я не делаю ни того ни другого. Возможно, потому что обуржуазился за время жизни в Швеции.

– Нам надо поговорить... – повторяет незнакомка.

Я впервые поднимаю взгляд на нее. От двадцати пяти до тридцати, немного смуглое, как будто загорелое, лицо, миндалевидные черные глаза и слегка выющиеся волосы. Одета как европейка, очень красивая грудь. Кто она?

– Леди, вы здесь ошибаетесь. Это вам нужно со мной поговорить. Мне это – совершенно ни к чему, понятно?

– Хорошо, мне надо с вами поговорить. Я приехала для этого из Стокгольма.

– Как ваше имя?

Пирог, конечно, вкусный – но не до него. Увы.

– Меня зовут Абаль.

Абаль.

«Дикая роза». Красиво...

Я так и не понял до конца – кто такая моя собеседница. Возможно, европейская арабка. Во Франции, например, есть уже арабы в третьем поколении, французы называют их «берейт». Многие европеизировались, их не отличишь от тех же испанок. В Скандинавии тоже полно всяких – но там они максимум во втором поколении. Дело в том, что у Скандинавских стран не было заморских колоний, и потому арабов с неграми тут стали привечать только в конце девяностых. С этого же времени начался закат знаменитого шведского социализма, а страна превратилась в проходной двор.

– Кто вы?

Она протянула пластиковую карточку. «Афтонбладет», крупнейшая ежедневная газета в Швеции и одна из крупнейших в Скандинавии. Придерживается левых взглядов, с сочувствием относится к антиглобалистам, критикует Израиль.

– Я журналист.

Я усмехнулся. Как же...

– Страна здесь строгая. Вы уже зарегистрировались в министерстве информации? Журналист обязан это сделать, если хочет здесь работать.

– Я не намерена здесь долго оставаться.

– Мудрое решение. Хотя бы потому, что я не намерен общаться с журналистами. И дело не лично в вас.

– Понятное дело. Шпионы не любят публичности.

– Простите?

– Шпионы. Мы знаем о том, что вы агент ГРУ. Российской военной разведки. Ранее – проходили службу в спецназе.

Я улыбнулся. Сирия – неподходящее место для такого рода откровений.

– Как вас зовут, напомним?

– Абаль. Помимо журналистики – я помогаю СЕПО.

СЕПО. Säkerhetspolisen. Полиция безопасности. Основная шведская разведслужба...

– Вы не похожи на агента СЕПО.

– Я не агент. Я помогаю своей стране.

– Швеции, – уточнил я.

– Именно.

– И чего же вы хотите от меня?

– Чтобы и вы помогли Швеции.

Я отпил из бокала.

– Фрекен⁵, вы только что обвинили меня в том, что я агент российской разведки. Если это так – я должен помогать своей стране, а не вашей...

Она вдруг наклонилась вперед и посмотрела мне в глаза.

– Помогите нам, пожалуйста... – просто сказала она. Просто – но очень убедительно.

– Фрекен, вы пришли сюда, говорите, что работаете на разведку, и обвиняете в том же самом меня. Это, по крайней мере, неумно – говорить такое в стране, в которой идет гражданская война. И в которой правит клан Асадов.

– Просто выслушайте меня.

– У вас есть пять минут. Даже меньше. Пока я ем этот пирог.

– Мне хватит и одной, – решительно заявила она, – человек, на которого я работаю, занимает важный пост в шведской разведслужбе. Несколько месяцев назад к нему обратились американцы, он мог бы выдать им вас, но не сделал этого, причем даже без просьбы с вашей стороны. Он сделал это, несмотря на то, что вы имели отношение к незаконным действиям в Швеции, связанным с... пиратством.

Здорово. Нет, не то что я удивлен – от современной контрразведки сложно скрыться, они оперируют огромными массивами данных, есть модели подозрительного поведения – и если ты проявляешь активность, то рано или поздно попадаешься. Удивляют две вещи. Первое: то, что шведская разведка хочет договориться. Второе: что они послали ко мне такого переговорщика – посылать женщину в мусульманскую страну само по себе опасно. Так что же они от меня хотят в конце концов?

– Вы считаете меня пиратом?

– Не вас. А Хабиба Фараха Ахмада. Который расстрелял людей из американского посольства. Мы не сожалеем ни о нем, ни о людях из посольства. Ваш друг в шведских разведслужбах теперь посылает вам вот это.

Бордовая корочка. Орнамент. Золотое тиснение. Шведский паспорт...

– Зачем это?

– Откройте.

Я неуклюже, ребром ладони, открыл – ого! В принципе – неплохо сделали. На карточке я сам на себя не похож, но сделано так, что при необходимости можно изменить внешность, и стану один в один. Имя мне не знакомо, но что-то мне подсказывает, что паспорт есть во всех базах данных. Умно сделано.

– Зачем это?

– Паспорт чистый. Ни в каких стоп-листах его нет.

– Для чего он мне?

– Хотите – берите. Хотите – нет. Но мы все равно просим вас оказать нам помощь. Хотя бы как знак благодарности стране, которая приютила вас. И... мы готовы заплатить вам. Как частному детективу. Вы же частный детектив?

– Возможно, – процедил я, – а возможно, и нет.

– Поверьте, я пришла с миром. Да и что вам грозит в Швеции за шпионаж? Несколько лет и камера, похожая на санаторий?

– Годы не вернуть, – сказал я, – в моем возрасте позволить себе потерять даже несколько лет невозможно. Хорошо, допустим, я частный детектив, и вы хотите меня нанять, так? Что надо сделать?

– Вот. Посмотрите...

Поверх паспорта легла фотография. Женщина, джинсовый костюм, какая-то то ли вечеринка, то ли прием.

– Кто это? – спросил я, хотя знал ответ.

---

⁵ Обращение к незамужней женщине в Швеции. Обращение к замужней – фру.

– Сана Ахмад. Вы же жили в нашей стране.

Сана Ахмад. В реальности – она Александра Ахмадова, этническая чеченка. Но гражданка Швеции. Отец – чеченский боевик, участвовал в действиях незаконных вооруженных формирований, погиб в две тысячи третьем. Перед этим он успел замочить кого-то из кадыровской милиции, после чего места для семьи Ахмадовых в Чечне больше не было. Мать Саны Ахмад вывезла ее в Швецию, тогда еще толком не разобрались, кто такие чеченцы, а Россию там всегда опасались – и потому без проблем дали позитив⁶. Сана Ахмад закончила школу уже в Швеции, потом за какие-то гранты отучилась в университете и стала журналисткой. Сначала она подвизалась в каком-то антироссийском исследовательском проекте, но потом ушла, не проработав и года, что делает ей честь. Сменила еще несколько работ, после чего стала независимой журналисткой, стрингером. Основные темы, на какие они писала и снимала репортажи, – это Ближний Восток, война, ислам в Европе. То, что она была мусульманкой, открывало ей многие двери на арабском Востоке, а то, что она писала довольно объективно, давало ей уважение, в том числе и со стороны совсем уж отморозенных персон. А знание русского, английского, шведского и западное воспитание позволяли ей «упаковывать» материал так, что он был понятен и приемлем для западного зрителя. Короче говоря, Сана Ахмад была известной величиной в мире журналистики. Ей, кажется, даже какую-то премию журналистскую дали.

– И что с ней?

– Она пропала.

– Когда?

– Несколько дней назад.

– Где?

– В районе Приштины.

Косово. Здорово...

– Что она там делала?

– Она вылетела туда, чтобы сделать серию репортажей. О проблемах интеграции преимущественно мусульманского Косово в Европейский союз, о правах женщин в Косово, о межэтническом примирении...

– А на самом деле? – перебил я.

Абаль вздохнула.

– Наркотики...

Ну да. Наркотики. А о чем еще писать в Косово, как не о наркотиках? Европейцы сами, своими руками сотворили у себя под боком собственный Афганистан. И так и не поумнели с тех пор. Если вы приедете в Косово – то увидите новенькие, гладкие, как стекло, дороги. Это все делается на деньги ЕС и США, хотя Косово не является членом ЕС. Около гладких, как стекло, дорог стоят аляповатые двух- и трехэтажные виллы, похожие на жилища цыганских баронов. Это дома наркомафии, которых тут никто не наказывает.

– Как она пропала?

– На второй день. Просто выехала из Приштины – и вечером не вернулась в отель. Видимо, хотела встретиться с кем-то из боссов и поговорить.

Детский сад... господи, какой детский сад. Меня это всегда поражало в европейцах – давайте поговорим об этом. Вы торгуете наркотиками? Давайте поговорим об этом. Вы убили собственную бабушку? Давайте поговорим об этом. Вы трахаете собственных детей? Давайте поговорим об этом...

– Один вопрос, Абаль? – сказал я. – Сана Ахмад была вашим агентом?

Абаль немного смутилась.

– Не совсем.

---

⁶ Вид на жительство.

– То есть? Нельзя быть немножко беременной.

– Нас интересовал этот вопрос. Мы понимали, что сами никогда не сможем проникнуть в Приштину, не сможем встретиться с людьми и задать им вопросы. Но нам нужна была информация. Тогда мы наняли Сану Ахмад как стрингера через один из фондов содействия журналистике, заплатили ей за журналистское расследование интересующего нас вопроса.

– Умно.

– Повторяю – мы можем заплатить и вам. Неплохие деньги. У меня есть полномочия.

– Нет.

– То есть?

– То есть – нет, Абаль. Думаю, это знакомое вам слово.

Абаль помолчала.

– Вы можете назвать причину?

– Причину? Да, могу. Почти двадцать лет назад вы, Абаль, вместе со всей Европой разрушили страну под названием Югославия. Возможно, это была не лучшая страна из возможных. Возможно, там были проблемы – с экономикой, с правами человека, со свободой слова. Но чего там точно не было – так это американской военной базы и связанного с ней нарко-анклава, снабжающего афганским героином половину наркоманов Европы. Анклав сотворили вы, своими собственными руками. В процессе этого вы нанесли удары по Сербии, дружественной нам стране и дружественному народу. Вы не учли наше мнение и унизили нас. В девяносто девятом вы сознательно поддерживали албанцев, хотя видели, кто они такие – наркомафии и похитители людей. Вы сами создали монстра, который теперь напал на вас. И знаете, как у нас говорят в России? Ешьте сами с волосами...

– Что это значит?

Я перевел на шведский.

– В иносказательном смысле это означает – решайте свои проблемы сами.

– Все совершают ошибки. И государства тоже.

– Верно, Абаль. Все совершают ошибки. Основная проблема не в той ошибке, которую вы совершили двадцать лет назад. А в том, что вы продолжаете их совершать. Теперь вы растите нового монстра – на сей раз на Украине. И – знаете что, Абаль? Я не хочу принимать в этом участия. Никакого.

Я показал на выход.

– Ливан в той стороне. Советую не задерживаться. Служба авиационной разведки здесь работает коряво, но работает.

Абаль достала телефон – белый айфон.

– Я хочу вам кое-что показать.

– Что именно? Свои фото в стиле ню? Боюсь, это ничего не изменит.

Абаль покраснела, но продолжала рыться в своем телефоне.

– Вот...

– Что это?

– Посмотрите...

Я смотрел. Какой-то аэропорт, разгружают самолет. Грузовой «Боинг».

– И что?

– Сана Ахмад прислала материалы о своем первом дне пребывания в Приштине. По ее словам, это аэропорт Приштины, там разгружают самолет. Она написала, что ей удалось получить информацию о том, что в аэропорт Приштины регулярно прибывают подозрительные грузы из Афганистана. И отправитель этих грузов – американское правительство. В лице ЦРУ США и Пентагона.

Я еще раз посмотрел ролик. Это могло быть правдой, а могло и не быть. О том, что американцы используют свои позиции в Косово для доставки наркотиков из Афганистана и потом

перепродают их албанским дилерам, которые распикивают отраву дальше, по всей Европе, не говорил только ленивый. Но доказательств не было. И это – тоже не доказательство, если пристально посмотреть. Это просто самолет, из которого выгружают просто ящики. В которых может быть все что угодно, не только героин. Например, трупы американских солдат. Которые везут сюда для того, чтобы скрыть от американской общественности истинные потери американских войск в Афганистане. Или трупы – но афганцев, убитых в процессе дознания, которые везут сюда, чтобы не хоронить там, не рисковать, что захоронения будут вскрыты и на американцев повесят обвинения в пытках и расправах. Стоит такой транзит, конечно, дорого – но не дороже, если потом придется оплачивать многомиллионные иски родственников.

– Это ничего не значит, Абаль. Это – просто ящики.

– Значит, – упрямо сказала Абаль, – это значит, что вам надо сделать выбор.

– Мне?

– Вам. В Швеции существуют люди, которые не согласны с политикой американского правительства и с тем, что творят американцы. Это мы. Группа в составе шведских разведслужб. Это не значит, что мы согласны с Путиным или любим его. Но вы можете нам помочь. Или – остаться в стороне. Выбирайте...

Американское правительство... Надо сказать, мне доставляет удовольствие доставлять американцам неприятности.

– Что конкретно вы от меня хотите?

– Чтобы вы нашли и освободили Сану Ахмад.

– В Приштине?

– Да.

Я улыбнулся.

– Абаль, это полный бред. Начнем с того, что такое Приштина. Это небольшой горный регион, в котором проживают миллион с чем-то человек. Все друг друга знают. И все так или иначе имеют отношение к наркотранзиту. То есть они или сами торгуют наркотиками, либо охраняют тех, кто торгует наркотиками, либо являются членами семей тех, кто торгует наркотиками, либо продают булочки тем, кто торгует наркотиками. Это преступное государство. Все понимают, каков главный источник дохода, – и никто не позволит кому-то лишить его. То есть как только мы появимся, любой, начиная с таксиста в аэропорту, донесет на нас, и вовсе не в полицию. А наркомафия шутить не любит. Вдобавок я никогда там не был, не знаю албанского языка и элементарно не смогу наладить контакт...

– Я знаю албанский.

– Поздравляю. Но это мало что меняет. Это чужая и очень опасная земля.

– Искать не придется.

– То есть?

– Мы знаем, где и у кого находится Сана Ахмад. Надо будет только атаковать и освободить ее...

– То есть она похищена наркомафией?

– Не совсем.

– А кем?

– Я не смогу сказать вам, пока не услышу согласия.

Я откинулся назад на стуле.

– Абаль, а зачем вам я? Вы же представляете государство, так? У Швеции есть антитеррористическое подразделение полиции. Есть неплохие горные егеря. Есть даже боевые пловцы.

– Мы не можем их использовать.

– Почему?

– Как вы не понимаете? Мы считаем, что к похищению Саны Ахмад могут быть причастны американцы. Что если наши солдаты будут вынуждены стрелять и убьют кого-то из американцев? Партнеры по НАТО стреляют друг в друга.

– Швеция не член НАТО.

– Все равно. Мы не можем стрелять в американцев, это полностью исключено.

– А я – могу.

Абаль пожала плечами. Все-таки она очень привлекательна.

– Вы же русский. Мы были впечатлены... эффективностью ваших действий.

Я выдохнул.

– Сделаем так, Абаль. Вы сейчас идете на автобус... к контрабандистам – куда угодно.

И немедленно покидаете территорию Сирии.

– Но...

– Не нужно меня перебивать. Дайте мне свой номер, я приму решение и позвоню. Если все ОК – встретимся... скажем, в Бейруте.

Было видно, что ей это не нравится, но она кивнула.

– И готовьте деньги. За паспорт я не работаю.

Бейрут, Ливан 22 апреля 2015 года

В Ливане я был уже на следующий день. Перебрался с контрабандистами в долину Бекаа и дальше – уже нормальным такси – до Бейрута. Поскольку я владел арабским в достаточной степени и выглядел как араб, с бородой, ко мне никто особо не приставал. Конечно, если начнется конкретное месилово и начнут штаны снимать⁷, то моя легенда пойдет псу под хвост – но пока правительство Ливана и доминирующие здесь палестинцы контролируют ситуацию. Движение тут очень активное, постоянно идет контрабанда и отправляются на войну отряды Хезбаллы. Скоро весь этот джихад будет и здесь, чувствую...

Таксист был палестинец из лагерей. Как и все палестинцы, он был отлично приспособлен выживать во всем этом месиве, у него в машине были и ливанский флажок, и изображение святого камня Каабы, и портрет Муктады ас-Садра и портрет Башара Асада на фоне флага – нужное выставлялось к окну в зависимости от того, где мы ехали. На блокпосту, где стояли солдаты-христиане, он зычно зывал «Господи Иисусе!» – хотя был мусульманином. Машина у него была приличная – белая «Хёндай Соната» предыдущего поколения, которая тут заменяла старые «Мерседесы». На горных дорогах она нехорошо шкрябала днищем по камням. Но водителя это не останавливало...

Потом мы выехали на прибрежную дорогу отличного качества и покатали по ней. Горы, море. Бросаются в глаза две вещи – во-первых, дорога отремонтирована как бы кусками, это все потому, что каждый кусок дороги ремонтируют подрядчики из ближайшей деревни, иногда им достается всего несколько сотен метров. Выбрать одного подрядчика нельзя, остальные будут недовольны. Во-вторых, – полно китайских машин, в основном джипов и пикапов, и грузовичков «Бонго»⁸. Значит, китайцы заходят. И скоро война...

Чем ближе к Бейруту – тем шикарнее застройка, конечно, не Дубай – но все же. Для страны, где только в девяностые закончилась катастрофическая гражданская война, – очень неплохо. Самые шикарные виллы – конечно, на холмах, окружающих Бейрут. Там живут христиане – христианские семьи в Ливане очень влиятельны. На первом этапе войны пятнадцать тысяч христиан-маронитов едва не сбросили в море объединенную армию палестинцев и мусульман-шиитов численностью пятьдесят тысяч человек. Правда, потом все передрались друг с другом, и на заключительном этапе войны одни христиане, палестинцы и шииты воевали против других христиан, палестинцев и шиитов. Потом пришел Хафез Асад и прихлопнул весь этот бардак...

Заезжаем в Бейрут. Даю водителю пятьдесят тысяч лир – и прощаемся довольные друг другом. Аллах с тобой, палестинец...

Бейрут был мне знаком...

Это уникальный для Ближнего Востока город, где европейский разгул соединяется с арабской набожностью и фатализмом и особенными, местными жестокостью и стойкостью, порожденными двадцатью годами междоусобиц и гражданской войны. Город очень богат, многоконфессионален и полифоничен. Верующие тут совмещают пятикратный намаз и отдых с девушками легкого поведения, а шейхи, отправив своих жен в шопинг, отправляются играть в лучшее на арабском востоке Казино ду Либан, в христианской Джунии. Молодежь уже не

---

⁷ В арабском мире во время беспорядков нередко срывают штаны. Кто не обрезан – убивают на месте.

⁸ Kia Бонго – популярнейший на Ближнем Востоке и самый дешевый автомобиль в своем классе, занимающий там примерное такое же место, как у нас «буханка». Из него делают и мобильные пулеметные точки, и кустарные БТР, ставят минометы и РСЗО.

помнит страшного прошлого и увлеченно грызет гранит науки в прекрасных по арабским меркам учебных заведениях, оставшихся тут после колонизаторов. И это при том, что последний раз город бомбили в две тысячи шестом израильтяне, а Хезбалла, партия Аллаха, одна из самых страшных террористических организаций современности, полностью контролирует целые кварталы. Пикапы с крупнокалиберными пулеметами, отмороженные боевики здесь сочетаются с витринами «Прада» и «Гуччи»...

В Бейруте можно все: и заработать деньги, и потерять их. И хорошо отдохнуть, и нехорошо умереть...

Нужная мне контора находилась на Рю Баальбек и называлась «агентство Шарм». Держал его Арам, армянин, но не местный, а ереванский армянин, бежавший сюда от разборок у себя и каких-то конфликтов с ереванскими ворами в законе. Здесь он поднялся, занимался тем, что поставлял на Ближний Восток девиц – от просто танцовщиц для казино и ночных клубов до откровенных проституток. Впрочем, грань между любительским и профессиональным сексом в Бейруте очень размыта, практически каждая красивая девушка не прочь подзаработать. В отличие от европейского пуританского католичества и тем более протестантизма секс в исламе не являлся грехом, тот же Пророк Мухаммад был женат и активно призывал к этому всех своих сторонников. Так что развлечься в Бейруте проблем не составляет, если деньги есть. А вон и машина Арама, я ее узнаю, даже несмотря на то, что он ее сменил. Раньше он ездил на белом «Гранд Чероки», а теперь – на «Инфинити Q70». Тоже белом...

Осмотрелся... не следит никто вроде. По крайней мере, отморозков не заметно.

У лестницы я столкнулся с бритым наголо господином, который невежливо, даже грубо толкнул меня.

– Дхаба. Дхаба.

Я заметил у него на плече татуировку – паук в паутине. Значит, наркоман.

– Поднялся? – спросил его я. – Думаешь, твои партаки тут никто не прочитает?

Прежде чем урод пришел в себя от изумления, я хорошенько пнул его в пах, потом добавил по голове. Достал из-за пояса турецкий полупластиковый пистолет, похожий на «Спрингфилд XD», взбежал вверх. Арам доставал из сейфа свой.

– Салам, Арам...

– Саша... вай, Саша...

Арам был мне должен. Дело в том, что он сначала попытался выехать в Голландию и там начать тот же бизнес – торговать девицами. Но сразу узнал, что места поделены, а свободные есть только на дне канала. Если бы я не попросил за него Горана, своего хорватского друга, живым бы его из страны не выпустили.

– Салам, Арам. Интернет есть?

– А как нет, как нет...

– Сходи, пообедай, а...

Сзади с грохотом распахнулась дверь. Это охранник пытается из последних сил выполнить свой долг перед хозяином. Хотя по мне это не охранник, а так... Единственная его функция – водить автомобиль, отгонять попрошайек, наверняка избивать и насиловать непокорных девиц и умереть с хозяином, если того вдруг всерьез решат замочить.

– Идиот! Пошел отсюда... – обрушился на своего охранника Арам.

Правильно. Я бы еще и уволил. Хотя... хороший телохранитель стоит дорого, а Арамчик всегда был жадным. Не будь он таким жадным, так бы и работал в Европе...

– С тобой все хорошо?

– Не переживай за меня, Арам. Все хорошо. Слава Аллаху...

Оставшись в одиночестве, я включил компьютер. Оставил сообщение где надо, включил видеочат и стал ждать...

– Ох... не встать.

Именно такой была реакция моего старого друга и куратора Евгения, Жеки-Слона, когда я эзоповым языком изложил ему суть проблемы.

– Ну и что мне делать? Подумай сам, ты меня не отмажешь, а наследить мы наследили.

В разговоре – мы маскируемся под уголовников – по идее в России на меня даже уголовное дело возбуждено, на случай если кто начнет наводить справки. Российская мафия – на Западе это бренд, и не надо выдумывать ничего лишнего.

– Валить тебе надо.

– Куда валить? Если тут нашли – найдут везде.

...

– Я вот думаю. Если разделить сферы влияния и договориться – получится очень даже неплохо. А стучать... а кто сейчас не стучит? Тем более если это поможет опрокинуть наших главных конкурентов...

– Я должен согласовать. Такое разом не решается.

– Жек, а что согласовывать. Ты что-то можешь?

...

– Нет. А я еще могу...

Жека подумал.

– Я за такое вписаться не могу. Можешь работать – но на свой риск.

А что? Когда-то было иначе?

Арам вернулся через полчаса. Я уже закрыл чат и проверил пистолет, который попал мне в руки. Разобрал и собрал его.

– Арам...

...

– Пистолет у меня уже есть благодаря твоему крестину. Тачку одолжи. На пару дней, не более...

– Конечно-конечно, Саня... – засуетился армянин, протягивая ключи.

– Постараюсь не разбить...

Водить «Инфинити Q70» – а это дорогая версия самого крупного ниссановского внедорожника «Армада» – по улицам Бейрута – приятного в этом очень мало. Зато кондиционер работает и простор такой, что в машине и жить можно. Именно так я и намерен поступить. В смысле, жить в машине, питаться в уличных ресторанчиках тем, что продают на вынос, все дела делать у обочины. Сейчас практически невозможно снять жилье так, чтобы об этом не узнали полиция и половина города заодно. Лучше всего – не снимать жилье вообще...

Сделал несколько звонков и решил текущие проблемы. Потом позвонил Абаль и назначил встречу вечером. Она удивилась, но обещала прийти. Это еще один прием – если вы что-то подозреваете, назначайте встречу, скажем, через неделю, потом звоните и предлагайте встретиться через час. Будет меньше возможностей подготовиться...

Купил несколько левых телефонов, автомат и четыре гранаты. На всякий случай. Автомат дорогой, две тысячи долларов за румынский «калашников», и это по местным меркам дешево. Все из-за расположенных поблизости лагерей палестинских беженцев, там жесткий пропускной режим, но оружие им нужно, и потому оно здесь очень дорогое...

Встречу я назначил в Казино дю Либан, как я уже упоминал, это самое известное казино в арабском мире. Расположено оно на самом берегу Средиземного моря и похоже на старый дворец, где смешалась арабская, европейская и средиземноморская архитектура. Контроли-

ругают его христиане, как и весь город. Больше половины девочек там – русскоязычные плюс отличная служба безопасности, не допускающая всяких левых движений. У меня в Бейруте нет собственной службы безопасности и нет прикрытия какой-нибудь общины или группировки. Поэтому я предпочитаю чужую. Если у тебя нет своего зонтика – спрячься под чужой...

Я остановил машину на стоянке, дал подскочившему бою десять долларов и попросил на время забыть обо мне. А еще через пять минут прибыла Абаль в прокатном белом «БМВ Х5», довольно заметном. Я увидел, как она выходит из машины, набрал номер. Она посмотрела, сбросила. Молодец, не отвечает на левые номера. Я набил эсэмэску, скинул, потом опять набрал.

– Абаль?

– Да.

– Идите к машине. Белый «Инфинити», на стоянке...

Да... забыл сказать, меня самого – в «Инфинити» не было. Я был в темноте, неподалеку. Мало ли...

Она осмотрелась, потом зашагала к машине. На ней были туфли или сапоги на высоком каблучке – обувь совсем не для неприятностей...

– Садитесь...

– В машине никого нет.

– Садитесь. На водительское...

Она пожала плечами, открыла дверь и села на водительское место. Стекла тонированные, машина большая...

– Какого черта...

– Сидите и молчите.

Выждав минут пять, я подбежал к машине, пролез назад.

– Перебирайтесь на пассажирское.

– К чему это всё?

– Делайте, и без разговоров.

Она опять подчинилась. Я перелез на водительское, завел мотор и немного переставил машину. Время от времени я буду ее переставлять.

– Вы не поняли? Я – друг.

– Не уверен. Деньги принесли?

Она достала из сумочки две толстые пачки пятисотевровых банкнот. Обожаю евро. У долларов максимальная купюра в обиходе – сотка, и это создает проблемы. С наличными взаиморасчетами.

Похоже, без куклы...

– Хорошо. Теперь по вашему делу. Рассказывайте всё, что знаете...

– Ее похитители вышли на нас. Требуют пять миллионов евро. Времени – две недели.

– На кого вышли? Родители?

– Нет, правительство.

– То есть?

– Представительство гуманитарной организации в Риме.

– Понятно. В Италии албанцев полно, они туда во время лихих девяностых толпами переселялись. Итальянский сапожок вообще стал настоящей Меккой для нелегалов всех мастей. Частично виной тому географическое положение Италии, частично – мафия. Потрепанная идущими уже двадцать лет антимафиозными процессами, потерявшая базу на Сицилии, уступившая большую часть наркорынка конкурентам – албанцам, таджикам, узбекам, африканским бандам, связанным с мексиканцами и колумбийцами и торгующими кокаином, – она перешла на почти легальные методы заработка, и один из них – это отшив левых коллекций известных домов моды. У мафии есть целые нелегальные фабрики, на них как раз нелегалы

трудятся, выкройки они получают часто еще до показа моделей нового сезона на миланских подиумах, ткань та же самая. И оп-ля – вуаля...

– Фотографию прислали?

– Да.

– Покажите.

Абаль дает мне свой айфон. Фотография там – женщина на стуле, в руках свежая газета, рядом люди с автоматами, лица открытые – совсем обнаглели. Фон завешен большим черным полотном, но это явно не жилище, на природе снимали. А европейцы молодцы... надо сказать – молодцы. И это еще цветочки, потом будут ягодки...

Будут, обязательно будут.

– УЧК?

– Нет, ашкали. Знаете, кто это?

– Албанизированные цыгане.

– Они самые...

Ашкали, или албанские цыгане, – это одна из своеобразных этнических групп юга Балканского побережья. Это цыгане, которые во времена владычества Турции тюркизировались и приняли ислам, чтобы торговать без помех и не платить джизью – обязательный в мусульманских странах налог на немусульман. Помимо ашкали есть и нетюркизированные цыгане, их называют ромы. Отношения между ромами и ашкали напряженные, равно как и отношения между ашкали и албанцами, тем более если эти албанцы являются боевиками УЧК. Албанцы зовут цыган, даже принявших ислам, крысами. Хотя ислам у цыган своеобразный – они часто совершают намаз, когда им вздумается, а то и вовсе не совершают, намаз они читают на своем языке, женщины не закрывают лицо и участвуют в промысле, часто преступном, наравне с мужчинами. Многие от жадности не платят закят.

Конфликты с УЧК связаны как раз с дележом территорий и доходов от преступного промысла – но цыгане при этом довольно аполитичны, и у них нет религиозного радикализма. Их основная деятельность – это наркоторговля, работоторговля, торговля оружием, похищение людей за выкуп. Не поддерживают они и традицию гьякмари – албанской кровной мести. Не могу представить себе цыгана-террориста...

– Конкретно эти – кто они?

– Если верить данным Интерпола, вот этот вот – Бесник Дудаевич. Он у них главный. Двадцать девять лет, радикальный исламист, симпатизирует Исламскому государству. Участвовал в боевых действиях на территории Сирии на стороне Фронта ан-Нусра. Проходил специальную подготовку в лагере сирийской оппозиции в Турции, прикидывался умеренным, затем радикализировался.

– Он всегда был радикальным. Просто вы не хотите этого видеть.

– Возможно, это так.

– Остальные?

– На остальных данных нет. Судя по всему – его джамаат.

– Пять человек?

– Не обязательно сниматься всем, верно?

– Кроме денег – они выдвинули еще какие-то требования?

– Нет, только деньги.

– Переговорщик уже работает?

– Да, полицейский.

Я прикинул муде к бороде, хрустнул пальцами.

– Через три дня. В Тиране.

– Как я вас найду?

– Я сам вас найду. Не выключайте телефон...

Риека, Хорватия 24 апреля 2015 года

В Риеке я был этой зимой.

Риека – балканская Венеция, она прекрасна даже зимой, а уж весной и летом – просто обворожительна. Этот город стоит на каналах, и у него очаровательный архитектурный облик, а жители пользуются лодками и катерами, как вы пользуетесь автомобилем. Еще тут есть порт, а в порту хлопчики, друзья Горана, моего знакомого мафиози, одного из крупнейших европейских торговцев оружием, ведут свой маленький бизнес...

Парня, который продавал мне в прошлый раз, я нашел у того же ангара, где и отоваривался в прошлый раз. Он даже и не скрывался особо. Впрочем, удивительного мало, в Хорватии всегда были богатые традиции незаконной выделки и продажи оружия. У парня был ястребиный нос, круглые глаза и черный «БМВ» последней модели...

– Доброго дня...

– У нас постоянный клиент...

– Да, от Горана.

– Горан не звонил.

Я пожал плечами и достал пачку евро. Торговец посмотрел на меня, затем на деньги, затем опять на меня.

– Ладно, заходи...

Загудел генератор, с каким-то хлопком вспыхнул свет в большом припортовом ангаре, откуда можно было грузить прямо на судно. Я осмотрелся – склад был почти пустым.

– Смотрю, бизнес не идет...

Торговец цокнул языком.

– Как раз идет. Все разобрали. Почти.

– Совсем – все?

– Ну, есть немного. Тебе что надо?

– Пулемет. Снайперскую винтовку. Под русский патрон. Три автомата. Желательно – все глушеное.

Торговец покачал головой.

– Пулеметов под русский патрон нет никаких. Винтовок тоже. Все разобрали, подчистую.

Ну... учитывая то, что происходит на Ближнем Востоке, в Северной Африке и на Украине, – даже и не удивляюсь.

– А что есть?

– Тебе воевать – или?

– Скажем – или.

– Тогда могу предложить винтовку «М76» и пулемет «М53». Оба в хорошем состоянии, со склада хранения и в масле. Винтовка комплектуется стандартным шестикратным прицелом югославской армии и глушителем.

– А в чем проблема?

– В патроне, – ответил торговец, – они под немецкий патрон 7,92 оба. Их сложно достать. По крайней мере, в том количестве, какое нужно на войне. Их берут коллекционеры, любители... не военные. Хотя сам патрон хороший, лучше русского.

Я с этим был, в общем-то, согласен – немецкий 7,92 отличная штука. Хотя, если хотите знать мое мнение, нет ничего лучше триста третьего, британского пулеметного, с тяжелой пулей. Это единственный патрон времен Второй мировой, позволяющий нормально стрелять на тысячу ярдов и попадать.

Я осмотрел винтовку, затем пулемет. Винтовка – ничего особенного, схема Калашникова, прямой короткий магазин на десять патронов. Патроны к нему есть снайперские, производства завода в Боснии и Герцеговине. Только два завода сохранили массовое производство патронов калибра 7,92 – это Први Партизан в Сербии и бывший государственный завод боеприпасов в Боснии и Герцеговине, ныне работающий на американский коммерческий рынок под брендом Red Army. Все это от того, что в Югославию попала большая часть трофейного оружия Третьего рейха и сохранялась на вооружении долгое время – Тито был прижимист и тратить деньги на армию не любил. Как чувствовал, что будет. Я сам недавно участвовал в «пострелушках» в горах Боснии и Герцеговины с аутентичным немецким оружием, организованных одной частной военной компанией для богатых любителей оружия. Так что баллистику этих боеприпасов хорошо помню.

Пулемет – это обычный «MG42», «пила Гитлера». Югославы производили его до восьмидесятых, потом перешли на ПК. Со времен Второй мировой ничего лучше на Западе так и не изобрели⁹. На самом деле пулемет очень и очень хороший, иначе бы он не производился вот уже почти восемьдесят лет...

– Цены?

– Смотря в чем.

– Допустим, в евро?

– Винтовка – три тысячи, сто снайперских патронов в комплекте. Пулемет – пять тысяч, в комплекте станок и тысяча патронов в ленте.

– Побойтесь Бога.

Торговец пожал плечами.

– Это же коллекционное оружие. Потому и цены такие...

Я вздохнул. Больше я тут никого не знал.

– Хорошо, но доставка – в цене.

– Доставка – куда?

– Порт Тирана.

Торговец прикинул.

– Без проблем.

– И мне нужно три автомата. Желательно, «калашниковы».

– «Калашниковых» нет. Остались FAL и FNC, бельгийские, в хорошем состоянии. Со складов, после переворужения. По тысяче каждый.

– Это тоже коллекционные?

– Тоже коллекция. Производства нет, скоро таких не будет...

Разнобой по патронам. Не очень хорошо, но делать нечего. Я раскошелился еще на тысячу евро на каждую и взял оптические прицелы четырехкратного увеличения и дополнительные магазины. На Фабрик Насьональ всегда делали надежное и качественное оружие, но в современном мире оно не катит. Нет планок пикаттини, и не похоже на «М4», которая сейчас правит бал. Крепеж прицельных приспособлений на ствольную коробку – не НАТОвский. Но делать нечего – есть что есть...

Деньги пока тоже есть, так что...

– Еще глушители есть. Размер, я так понимаю, стандартный?

– Да. Финские есть. Титановые. Быстросъемные. Устроят?

– Да.

– Еще полторы штуки за каждый.

---

⁹ FN MAG, ставший почти стандартом для армий НАТО, несмотря на внешнее различие, конструктивно настолько схож с MG, что некоторые детали взаимозаменяемы. По сути, эти два пулемета MG и FN MAG на Западе и ПК в странах бывшего СССР, Китае, Африке, Ближнем Востоке и «делают мир». Доля всех остальных – процентов десять, не более.

Глушители стоят дорого, их берут профи. Так что нормально. У FN размер пламегасителя стандартный, потому на него сядет любой тактический глушитель с системой быстрого крепежа, которые сейчас в большой моде, и их ставят все кому не лень, даже солдаты в линейных частях. В свое время НАТО унифицировало размер и конструкцию пламегасителя для всех винтовок для того, чтобы метать наствольные гранаты, а сейчас это пригодилось под глушители.

– Можно поинтересоваться, зачем вам сразу пять стволов?

Я указал за свое плечо.

– Вон, для них...

Это была моя группа.

Мы познакомились в Стокгольме, столице Швеции, где я легализовался и, можно сказать, закрепился. Их прислали мне на одну операцию, не более. Надо было найти и тряхануть местного наркодилера и босса сомалийской общины Хабиба Фараха Ахмеда, у которого брат захватил идущее в Сирию судно под монгольским флагом. На судне, вышедшем из одного из портов Прибалтики, было несколько тысяч тонн оружия и снаряжения для сражающейся сирийской армии. Проблема в том, что ЦРУ знало про эти перевозки. И решило нас остановить. Но прямо – с учетом общей напряженности в мире и между нашими странами и того, что в Средиземном море есть наш флот, а в Атлантике и в Балтике груз сопровождали наши подлодки, – они не рискнули. Тогда кому-то пришла в голову гениальная идея натравить на судно пиратов – во главе с братишкой Ахмеда...

Следующая гениальная идея пришла в голову уже мне. Ведь если схватить Хабиба Фараха Ахмеда и заставить его позвонить брату и приказать валить с судна, то штурмовать его не надо. Они уйдут сами. Вот мне и прислали людей, с ними я схватил Хабиба Фараха Ахмеда, он позвонил, и его брат покинул судно – но у американцев были другие планы. Они уничтожили сматывающихся пиратов с вертолетов и активировали дистанционно установленное на нашем судне взрывное устройство – поди потом разберись, что к чему. Американцы выиграли, груз был потерян вместе с судном, едва не погибли наши спецназовцы, которые хотели зайти на корабль. Другого груза не было, и собрать быстро его не получалось – но я подумал, что тут можно применить китайскую стратагему: если ты слаб – показывай, что ты силен. Сначала я – через своего друга Горана, хорватско-амстердамского крупного торговца оружием, – запустил на европейский черный рынок инфу, что мы срочно собираем еще один груз – оружие и взрывчатку – на замену утраченному. Затем тихо все переиграл, зафрахтовал судно в порту Риека и нагрузил на него несколько тысяч тонн гуманитарной муки для Сирии.

Пара пощечин – и американцы взбесились, они вообще очень не любят, когда что-то идет не по их правилам. Я устроил на судне охрану – как раз из этих вот парней, как бы показывая, что на судне точно не гуманитарка, а что-то другое. Судно вышло в рейс, американцы попробовали сначала высадиться на палубе тихо – тихо не получилось, началась стрельба, американцы понесли потери, по моим предположениям – довольно серьезные. Тогда американцы взбесились окончательно и остановили судно уже открыто, эсминцем, но тут подоспел наш корабль, встал неподалеку, а информация просочилась в прессу. Начал развиваться страшный публичный скандал, наслаиваясь на предыдущие, – например, на то, как БНД, Немецкое ведомство по защите Конституции, помогало американцам следить за собственными гражданами.

В конечном итоге американцы ушли в глухую оборону. Я не я и лошадь не моя. Из-за бушующего скандала они не могли предпринять никаких незаконных действий в отношении этих парней – и в конечном счете их удалось вытащить. Теперь они пользовались нездоровой популярностью, но для частных охранников это и лучше. Американцы не знали точно, кто они, но предполагали, что это мафия. Братки. Подозрение усугублялось тем, что они лечились за счет Горана, хорватского мафиози, а потом он их же устроил в частную военную компанию

зарабатывать не совсем благовидными делами. Но зарабатывать много. Так Трактор, Шпиц, Брат, Студент стали частными военными контракторами. Тот же Трактор – он родился в сбухавшейся деревне во Владимирской области и не представлял себе, что контрактная служба приведет его сюда, на побережье Хорватии...

Впрочем, удивительного мало. Социальные лифты в современном мире работают быстро, и чтобы вскочить в него – нужно всего лишь решиться и сделать шаг. Тот же Трактор – если бы он не пошел служить по контракту и не попал в морскую пехоту – так бы и остался в деревне работать на тракторе за копейки и тихо спиваться...

Торговец оружием, увидев еще четверых, занервничал – оно и понятно, он один, а нас то теперь пятеро.

– Еще что-то?

– Пацаны выберут, – сказал я, доставая пачку пятисотевровых купюр, – за что назвал, сколько с меня? И упаковать надо...

Пацанов долго уговаривать не пришлось – все выбрали.

Помимо оружия мы закупили еще снаряжение. Разгрузки, рюкзаки – это взяли китайское, а вот форму – приличную, польскую. Разгрузки и рюкзаки, может, и на один раз – а форма к телу прилегает, может натереть, может демаскировать, на ней нельзя экономить. Три лазерных прицела американского производства, очень дорогих, с режимом невидимого света, и три комплекта ночных очков – по моим прикидкам, при спецоперации мы дождемся ночи и пойдем на штурм, стрельба с глушителем, ночными очками и невидимым лазером очень эффективна. По три обычные осколочные гранаты на каждого и по одной светозумовой, британского производства. Пять пистолетов Макарова – дешевле ничего не было, а оружие нам знакомое. Ночной прицел к снайперской винтовке новосибирского производства – у югославов было принято такое же боковое крепление, как и у нас.

Бронежилеты. Важная вещь, в бою этим пренебрегать нельзя – даже в Чечне, где из грязи, похожей на пластилин, не вылезешь, а броники у нас были под шестнадцать кило и пробивались – мы все равно носили. Здесь я взял бронежилеты, точнее, плейт-кэрриеры и пластины Миле Драгич, сербские. Сербские пластины хороши тремя вещами – они не очень дорогие (двести пятьдесят евро новая, около пятидесяти сильно подержанная и так далее), легкие (полтора килограмма фронт) и к ним не надо ни слоя баллистической ткани, ни антитравматического слоя – ничего не надо. В наших бронежилетах есть пластина, дальше идет слой кевлара, запаянный в полиэтилен, дальше идет антитравматический слой, который нужен, чтобы пластина, поймав пулю, не передала всю энергию на твои ребра и не сломала их. У сербов все это в одной пластине – и высокомолекулярный полиэтилен, и упругий антитравматический слой. Очень удобно¹⁰.

Несколько скомплектованных аптек. На этом тоже нельзя экономить. Очки ночного видения на каждого – российские, новосибирского производства, не дорогие и не дешевые, но качественные. Кстати, кто говорит, что Россия только нефть и газ экспортирует, – плюньте ему в лицо. В США большинство гражданских приборов и прицелов ночного видения – наши и белорусские. Причем покупают не только за цену, но и за качество. Благодаря им монокуляр ночного видения стал доступен каждому американскому охотнику и туристу.

Знакомство мы продолжили на борту небольшого каботажника, который направлялся в Тирану, Албания тут совсем близко. За Тирану я не волновался – деньги были, а полиция и таможня в Албании входят в десятку самых коррумпированных в мире...

---

¹⁰ На взгляд автора, не совсем, поскольку в советских бронежилетах можно вынуть тяжелую пластину, а кевлар оставить и тем самым уберечь себя от осколков, пистолетных пуль и пуль на излете – и в то же время не носить постоянно немалую тяжесть. Автор, например, вложил в британский Оспри два комплекта кевлара от российских бронежилетов, а бронепластины вставляет по необходимости. Минус только один – летом очень жарко.

– За встречу, пацаны...

Мы стукнулись бутылками с безалкогольным пивом. Гребаные морские котики... у американских морских котиков самое популярное пиво – безалкогольное «Курс». В любой момент может последовать сигнал тревоги.

– На меня обид нет?

– Да какие обиды, шеф... – за всех ответил Студент...

Каботажник лениво шлепал вдоль берега, а море было таким... неправдоподобно лазурным. Такое только в нескольких местах на планете есть. И чистым – здесь в некоторых местах дно за шестьдесят метров видно, такая чистая вода...

– Как устроились?

– Нормально устроились, – прогудел Трактор, – то на приисках в Ливии пашем, то в море груз сопровождаем. Вон, недавно беженцев ловили. Жалко их.

– Как в Ливии?

– П...ц полный! – выругался Студент. – Мочилово во весь рост идет, мы рады, что отвалили. Там такое... Чечня и то нервно курит в сторонке. Там с обеих сторон авиацию используют, б... Авиация вооруженной оппозиции – о...ть не встать...¹¹

– Зато там теперь демократия! – Я назидательно поднял палец.

– Ага. Снарядить бы корабль, посадить на него всех демократов – и туда. Пусть мисратцам и вершифану втирают про демократию, ага...

Под это дело мы открыли еще по бутылке безалкогольного.

– Пацаны! Огрызнуться – есть настроение? – спросил я.

– А что делать надо?

Вместо ответа я пустил по кругу фотографию.

– А ничо... – выразил общее мнение Трактор, – я бы вдул.

– Фото пару лет назад сделано. Сана Ахмад. Она же Александра Ахмадова. Чеченка, журналистка из Швеции.

– Чеченка?!

– Ага. Но она честная. Работала год в антироссийском сетевом издании, потом плюнула и ушла. Занимается независимой журналистикой.

– Бывает же...

– Она приехала несколько дней назад в Приштину и начала задавать лишние вопросы про наркомафию. Ее украли. Кто – известно, где она – тоже известно. Противник – местные моджахеды, банальные отморозки и гопота, наемники наркомафии, их от двадцати до тридцати рыл. За нее требуют пять. Нам – платят лимон. Один миллион евро.

Пацаны покачали головами.

– Шеф, она что – не в себе? – спросил Трактор.

Да... не в себе...

Это Европа. Я сам сначала не понимал. Потом понял. Это мы искалечены двумя революциями, гражданской войной и тридцать седьмым годом. В Европе все не так. Они искренне верят в добро. Это мы, многократно битые, поротые и стреляные, ни во что не верим...

– Это Европа, – обтекаемо сказал я, – как бы то ни было, я уже вписался. Дело за вами. Операция – на несколько суток. Вам – ну скажем, по сто пятьдесят каждому. Медицинская страховка у вас уже есть. Как, пацаны, – норм?

– Норм, – ответил за всех Студент.

---

¹¹ Это реальный факт, некоторые оппозиционные группировки в Ливии используют истребители-бомбардировщики, они бомбят и обстреливают позиции правительственных войск. Старые истребители поставляет Египет с баз хранения. В конце апреля 2015 года в Ливии действительно были ожесточенные столкновения различных племенных группировок, проправительственных сил и ваххабитов друг с другом.

Тирана, Албания 24 апреля 2015 года

Тирана...

Город, даже кратковременное пребывание в котором – занятие не для слабонервных...

Албания – сами албанцы, кстати, называют себя по-другому, шиптары, а страну Шиптария – известна как государство лишь с тысяча девятьсот двенадцатого года. Изначально никакой Албании не было, а была провинция Османской империи, довольно развитая, потому что была на самом побережье и тут были торговые порты. До османов этой землей кто только не владел – и римляне, и византийцы, и венецианцы, и сербы, и неаполитанцы, и болгары. Никакого отдельного албанского народа не было, а были семьи и кланы, которые постоянно грызлись между собой, занимались всем чем угодно: рыбной ловлей, контрабандой, наемничеством. Османское господство было довольно терпимым, и в отличие от сербов албанцы никогда не стремились к независимости от османов. Мусульман и христиан было примерно поровну (сейчас мусульман две трети), а среди христиан поровну было католиков и православных. В ислам в основном переходили не по убеждениям, а чтобы не платить джизью. Соппротивление османам началось только после того, как в Стамбуле к власти пришли младотурки и предприняли попытку цивилизовать и модернизировать империю по западному образцу – в частности, на Балканах запретили всем и каждому носить оружие и был принят закон «о бандах». Албанцам это не понравилось, и у них проснулось национальное самоопределение...

Отсчет независимости Албании ведется с 1912 года, когда была провозглашена автономия, но подлинным создателем современного албанского государства, видимо, следует считать короля Зогу.

Король Ахмед Зогу пришел к власти в 1924 году, используя для государственного переворота отряд русских эмигрантов в пятьсот человек под командованием полковника Угала. Сам по себе это был очень незаурядный человек, он был представителем крупной семьи феодалов, его отец был турецким наместником, образование он получил в Стамбуле, правил страной до оккупации ее Муссолини в тридцать девятом, выжил более чем в пятидесяти покушениях. Самое известное – перестрелка на ступенях оперного театра. Двое убийц открыли по королю огонь, ни в кого не попали, король выхватил пистолет и открыл ответный огонь, ранил одного из нападавших в руку, после чего те позорно бежали.

Во время оккупации он переехал в Лондон, потом в Париж, где и жил на заработки жены, известного детективного писателя. Ему довелось увидеть и оккупацию Албании Италией, и воцарение еще одного «эксцентричного албанца» – Анвара Ходжи.

Анвар Ходжи – сын торговца тканями – стал социалистом во время обучения во Франции. Мехмет Шех обучался в военном колледже в Неаполе, но в армию не пошел, сражался в Испании на стороне республиканцев против Франко, был интернирован. Во время Второй мировой войны и Ходжи и Шех сражались против итальянской оккупации, но уже тогда они наносили удары и по собственному народу, партизаны расстреляли много лидеров горных кланов. После войны планировалось, что Албания постепенно или даже сразу войдет в союзную Югославию Тито, но Ходжи и Шех отстаивали независимость, расстреляв «униониста» Кочи Дзодзе. Албания была полностью просоветской до смерти Сталина, Сталин начал строить в Албании промышленность, в частности два автозавода. Но после смерти Сталина Албания последовательно поссорилась с Югославией, с СССР и впоследствии – с коммунистическим Китаем, взяв курс на полную самоизоляцию и строительство коммунизма сталинского образца. О том, что происходило тогда в стране, говорит то, что Анвар Ходжи, полагая, что Югославия или Запад все равно нападут, приказал каждой семье строить около дома ДОТ. Тысячи ДОТов

и сейчас стоят по всей Албании как памятник политическому безумию. В тысяча девятьсот восемьдесят первом году Ходжи избавился от своего преемника Шеха, по одной из версий он был застрелен прямо на заседании ЦК АПТ. А с 1982 года здоровье Ходжи ухудшилось, и он больше не мог управлять страной. Как и после смерти Тито, режим в Албании после смерти Ходжи не продержался и десяти лет...

Революции в Албании не было, смена власти произошла относительно мирно. В девяносто втором году на выборах победила демократическая партия, партия труда переименовалась в социалистическую. В стране не было ничего, кроме тысяч ДОТов, она не производила никакого конкурентоспособного продукта. Моментально обострилась проблема преступности, албанцы начали сбиваться в семьи и кланы, возобновилась кровная месть. В девяносто седьмом году страна практически рухнула: несколько финансовых пирамид ограбили до нитки сорок процентов населения страны, и началось вооруженное восстание. Рухнуло правительство, прекратили работу все органы власти, разбежались полиция и армия, разъяренные протестующие разграбили армейские склады, наступила анархия. Порядок удалось навести только итальянским миротворцам, на внеочередных выборах – к власти вернулись социалисты, то есть наследники Ходжи. Проблема была в том, что и у социалистов, и у демократов не было никакой программы модернизации страны, никакой совершенно – в Албании нет современных курортов, нет сельского хозяйства, промышленность мало чего производит, это самая бедная страна Европы, если не считать Украину...

Зато существует программа Великой Албании. По словам албанских националистов, исконная территория Албании должна включать в себя саму Албанию, Южную Сербию, Косово, Северную Македонию и Южную Черногорию. Для осуществления этой цели была создана организация УЧК – Армия освобождения Косово, теперь частично трансформировавшаяся в силовые структуры самопровозглашенного Косова, а частично – в ударные отряды мафии. По словам журналиста Криса Хеджеса, УЧК состоит из трех фракций – собственно наркомафиозной, крайне левой (неоходжисты, неосталинисты, неомаоисты) и крайне правой (неонацисты). Последних в Албании всегда хватало, Гитлеру удалось даже сформировать на территории маленькой Албании двадцать первую горную дивизию СС Скандерберг. Показательно, что руководители УЧК носят черную форму, похожую на форму СС, и приветствуют друг друга «римским салютом»¹². Европа, как обычно, смотрит на все это... в другую сторону...

Первое, что ты видишь, когда прибываешь в Тирану, столицу Албании, – это «Мерседесы». «Мерседес» – здесь альфа и омега всего, любой уважающий себя бармалей сначала покупает себе права, потом покупает себе «Мерседес». Машина девяностых годов, побегавшая по немецким автобанам и с сожалением проданная на утиль рачительным немецким бюргером, походит здесь, на югах, еще лет десять-пятнадцать. Особенно популярны здесь глазастые «Мерседесы Е» – секрет прост, по всей Европе полно таких работают в такси и, соответственно, теряют свою стоимость куда быстрее. Боссы ездят тоже на «Мерседесах», но поновее, чем выше ты поднимаешься по иерархической лестнице – тем новее у тебя «Мерседес».

Второе – это до боли родная застройка хрущобами, разбавленная стрелами минаретов. Прибавить к этому разбитые в хлам дороги, и ты получаешь полное ощущение дежавю. Где же это ты? Ах, да... Кавказ... скорее всего, Махачкала. Того и гляди – проскочит «Приора» с заниженной подвеской и бухающим на басах исламским рэпом. Или – подойдет к тебе местный мэн, примет за своего, обнимет и задушевно так спросит – ну чо, братан? Движения не движения?¹³

¹² То есть «зигуют».

¹³ Непереводимый махачкалинский сленг.

Еще были пристройки. Когда-то давно Тирана была унылым, застроенным панельками городом – но сейчас свобода и демократия сделали свое дело. За двадцать пять лет демократии дома обросли всевозможными пристроями, надстройками, гаражами, загонами, садами – чего только не понастроили. Некоторые пятиэтажки соединялись углами, и углы были застроены от балконов большими треугольными комнатами. Кто жил на последнем этаже, разбирал крышу и пристраивал себе один, два, а то и три этажа. Само собой строили во дворе гараж, чтобы не ходить далеко за машиной, а то и пристраивали его к дому вместе с верандой. В Махачкале тоже самостроя полно, но албанские самостройщики переплюнули всех на свете. Некоторые дома можно показывать на выставке как шедевры самостроя.

И все же это была Тирана, коренным отличием которой от Махачкалы и всех до этого виденных мною городов была уличная торговля.

В Тиране торгуют везде. Витрины и веревки с нанизанным на них дешевым ширпотребом можно встретить везде: на улицах, во дворах, в подъездах. Торгуют все и всем, прежде всего – китайщиной и поделками из Северной Африки. Примут любую валюту. Господи... китайские дешевые шлепки, полотенца с тиграми, голыми бабами и химическим запахом... так вот откуда это все берется на лотках цыган в российских городах. Вся контрабанда делается в Одессе на Малой Арнаутской, сударь. Кстати, арнаутами как раз и называли албанцев – а вы не знали?

В порту я дал знак пасть пока у сухогруза, поймал за рукав первого подходящего человека, дал ему салам и один евро. Он указал мне на другого человека – толстого, лысого с глазами навывкате, и он позвонил при мне какому-то своему то ли приятелю, то ли родственнику. Тот обещал прибыть не задерживаясь...

Пока он эмоционально переговаривался, я смотрел по сторонам. Обязательный кондишн безвестной китайской марки, какие-то наклейки и большой постер с чемпионата мира по футболу. На котором наши в очередной раз безбожно продули, а победили... немцы, кажется. Или аргентинцы?

Нет, по-моему, немцы...

– Пива хочешь?

Я посмотрел на бутылку в лапе толстяка.

– Рахмат, не могу.

– Зря...

На хрен мне его пиво. Мне машина нужна.

Друг или родственник толстяка оказался полной противоположностью первому – он был тощ, небрит, усат и напоминал таракана. Одет был в джинсы и вызывающе красную рубашу. Он прибыл в фургончике «Пежо Боксер», с короткой базой светло-серого цвета.

– Э... не пойдет, – разочарованно заявил я, – надо джип.

– Мистер, посмотрите, это джип. Лучше джипа...

Я заметил неприметный лейбл справа. Уже интересно.

Сунулся за руль, запустил мотор, послушал. Потом – не заботясь о чистоте одежды – лег прямо на грязный асфальт, подлез вниз. Да... и в самом деле.

Это не «Пежо», это «Данжель». Малоизвестная французская мануфактура, она занималась мелкосерийным производством полноприводных автомобилей для французских колоний Африки. Ее звездным часом был легендарный «Пежо-504» – машина столь неубиваемая, что ее кое-где производили до конца девяностых, некий аналог нашей двадцать четвертой «Волги». Данжель делал на ее основе полноприводные универсалы и пикапы, они были известны тогда не меньше, чем сейчас те же «Субару». Делал он и делает и вот такие вот полноприводные фургоны, прежде всего по государственным заказам. Машина хорошая – не может она не быть хорошей, если у фирмы больше семидесяти лет стажа по полному приводу.

– Надо прокатиться...

Хозяин полез на пассажирское, я сел на водительское. Поехали. В порту – обычный цыганский бардак и грязь, сам по себе порт – ворота контрабанды в Европу. Везде китайские вонючие грузовики, с голыми платформами и нагруженные контейнерами.

Погазовал, попереключал, снова погазовал – неплохо, без рывка и стуков. Заметил дыры на приборке.

– А это что?

– Предыдущий хозяин повредил.

– Который был в форме?

Хозяин лицемерно вздохнул.

– Ну как бывает, мистер. Ехали-ехали, да и сорвались с дороги. Сами выпрыгнуть успели. А вот машина и все, что везли... Пропasti у нас – сами потом увидите. Иногда такие, что машину оттуда и не достанешь. Армейский товар – хороший товар. Я же не спрашиваю, откуда у вас деньги...

Это верно...

Забросав в машину все наши припасы, включая и пулемет с патронами, мы тронулись из города. Сама Тирана подкупала широкими, по-коммунистически широкими проспектами, обсаженными деревьями. Никаких нормальных указателей не было, но сейчас это не проблема – Гугл вам в помощь. Автобусов немного, все китайские, зато полно набитых людьми микро-автобусов и грузовых пикапов – это, видимо, маршрутки.

Кавказ... Кавказ...

Трактор сидел за рулем, я рядом, а остальные сзади. Наслаждались жарой, духотой и толчками в пятую точку.

Звонок...

– Это Абаль. Вы прибыли?

– Да. Центральная автостанция...

Центральная автостанция – была обычным грязным бардаком, ни больше ни меньше. Запомнилась двумя вещами – полицейским автомобильчиком «Рено-4», который не выпускают уже лет пятьдесят, да живым козлом, которого, упираясь, вел на веревке какой-то старик. Видимо, купил на базаре...

Я заметил Абаль. Она переделалась в бундесовский камок и стояла с рюкзаком на одной из остановок. Я подошел к ней со стороны толпы, ткнул сложенными «пистолетом» пальцами.

– Что...

– Где она?

– Где ваша машина?

– Вы обещали дать точную наводку на цель. Где она?

– Я поеду с вами. В дороге покажу.

– Исключено.

– Это не обсуждается.

Я молча повернулся и пошел к машине. Заметил Брата в толпе – молодцы, отслеживают.

– Постойте.

Я вырвал руку.

– Да постойте же!

На нас уже смотрели. Абаль что-то сказала местным гортанно и резко, они, ухмыляясь, отвернулись.

– Постойте.

– Когда мне ставят условия, я встаю и ухожу. Женщине там не место.

– Я должна быть там. Сана Ахмад знает меня в лицо.

– Это не повод.

– Поймите, она не знает вас и испугается.

– Абаль, это военная операция. Крепость цепи равна крепости самого слабого ее звена. Мы не сможем идти быстрее, чем вы. Мы не сможем идти тише, чем вы. Если вы демаскируете нас, мы все погибнем – только и всего.

– Как вы обойдетесь без переводчика?

– Как-нибудь.

Про себя я подумал, что понты кидать не стоит. Я не мальчик. Те времена, когда я мог по горам горным козлом скакать, давно прошли. Так что еще неизвестно, у кого больше шансов облажаться и выдать группу – у нее или...

– Да постойте же...

Абаль буквально остановила меня силой (кстати, она сильная, вот бы не подумал), силой всучила мне свой смартфон.

– Вот. Смотрите.

...

– Она здесь, в этом самом месте.

– Что это?

– Горы, южнее Урочеваца. Самая граница. Район контролируют банды полевого командира Шукри Бужи¹⁴. Здесь есть горная местность, вот тут у них лагерь.

– Откуда вы это знаете?

...

– Абаль, откуда вы это знаете? Не время для тайн.

– В одежду и кое-какие вещи Саны Ахмад вмонтированы маяки. Они работают, мы знаем, где она. Но для нас она все равно что на другой планете...

...

– Я очень прошу вас, мне нужно пойти. Я ходила в походы и знаю, что это. Я ходила в горы в Швеции. Я неприхотливая, ни на что не жалуюсь, умею разводить костер, знаю языки. Я смогу идти наравне со всеми вами.

– Не сможете, Абаль.

– Но я готова! Посмотрите, я готова!

Я скептически осмотрел ее.

– Ждите здесь.

– Короче, тема, пацаны, – сказал я, садясь обратно в машину, – тут с нами дама очень рвется пойти.

– Какая? – скептически сказал Трактор. – Вон та?

– Ага.

– Не, ну а чо? – засмеялся Карлик. – В походе баба самое то.

– Ага. Думаешь не тем местом, – мрачно сказал Студент, – мне ее тащить на горбу не улыбается.

– Говорит, что ходила в походы, – сказал я, – знает языки, скорее всего, не врет. Очень просилась.

...

– Я так думаю, мужики, она – представитель заказчика. Мало ли что? Мы кто такие – нас оторви и выбрось, и не вспоминай, как зовут. А она...

...

– Короче, голосуем.

---

¹⁴ Имя и зона контроля подлинные.

Большинство голосов оказалось «за». Я открыл дверь машины и помахал Абаль, та подхватила рюкзак и побежала к нам. Студент хмыкнул, рассмотрев ее вблизи.

Ох, не к добру всё...

Переходить границу легально мы так и не решились, хотя она тут – как решето. Для машины мы нашли место в районе за Вратницей, небольшим, чем-то похожим на украинские села поселением. В нескольких километрах отсюда – граница с не всеми признанным Косово. Спрятать машину было легко, горы тут покрыты зеленью, как в Чечне, не лысые, невысокие – то ли горы, то ли холмы. Только в Чечне в горах орехи растут и черемша, а тут... будем посмотреть.

Во время войны это село было перевалочным пунктом для доставляемого УЧК вооружения, и здесь же был локальный штаб бандитов. Сейчас тут место для контрабанды, как в некоторых дагестанских селах, у многих домов стоят грузовые машины, только в Дагестане это «КамАЗы», а тут – «Мерседесы» и «Маны»...

Само село чем похоже на украинское, так это тем, что дома беленые. Сами дома побогаче – обычно они двухэтажные. Первый этаж сложен из камня, небеленый, там может быть все что угодно – от скотного двора до гаража и летней кухни. Второй этаж – жилой, беленый, крыши – из черепицы, как и положено в Европе. Крыльцо на обратной стороне дома с лестницей, сразу ведущее на второй этаж. Земельные наделы примерно как у нас, по десять-пятнадцать соток, аккуратные, ухоженные, отгороженные заборами из сетки-рабицы по пояс. Садов с плодовыми деревьями не видать, наверное, не принято тут выращивать. Деревянные скворечники туалетов на каждом участке, дорога не асфальтированная, а вымощена камнем. Куда прочнее асфальта. У некоторых домов видать машины, «Мерседесы» и сильно подержанные внедорожники, увидел даже одну белую «Ниву» – тут они до сих пор популярны. Еще трактора – маленькие, меньше «Беларуса», с открытой кабиной и такие же синие или коричневые...

Мы достали снаряжение и разобрали его. Себе я взял обычный автомат FNC. В горах надо будет пристрелять, как только подальше отойдем. Сам автомат тяжелый – но сразу видно: вещь. Бельгийцы плохо делать не умеют. У него система запирания – тот же «калашников», так что проблем с этим не будет. Автомат этот производился по лицензии, его выбрали шведы (там он обошел Галиль) и индонезийцы. И там и там он до сих пор на вооружении, что и не удивительно для схемы «калашникова».

Попрыгали...

– Тихо...

– Отлично. Снайпер в голову, пулемет в хвост. Я иду вторым.

Это было нарушение: в боевом порядке командир группы идет третьим или четвертым. Но здесь не война, и может быть, придется с кем-то вести переговоры. Для этого и нужен я. Ну и Абаль...

– Без нужды не стрелять. Если столкнемся с кем-то – попробуем развести на пальцах. Хоп?

– Хоп.

– Режим молчания. По-русски ни слова.

...

– Пошли...

Пока все шло гладко...

Я опасался, что на тропе будут контрабандисты или боевики, но их не было. Потом понял почему: какой смысл переть что-то на горбу или на осле, если можно просто проехать через границу. Граница между Албанией и албанским Косово – я вас умоляю. Ее просто нет. Весь вопрос лишь в сумме. И всё.

Вопрос: как мы будем уходить, если что? Если тихо не получится. Варианта два, по сути. Через Албанию мы не пройдем. Значит, либо в Сербию, либо в Черногорию, либо в Македонию, небольшое горное государство совсем недалеко отсюда. И там и там албанцев любят примерно так же, как тараканы любят дихлофос. Но туда еще надо идти...

Интересно, есть ли беспилотники на границе? Могли и повесить – за счет ЕС. С другой стороны – они же себе не враги. Наркотой и контрабандой живут – какая граница, какие беспилотники...

Идти было... не столько опасно, сколько тяжело. Горная тропа – не то что пластилин, как в Чечне, – но все равно нелегко. То вниз, то вверх. Камни едва слышно шуршат под подошвами. И в любой момент ждешь неприятностей...

На ночь остановились уже на той стороне границы. Палатку ставить не стали – да и не было ее у нас. Расстелили карематы¹⁵, костер я тоже жечь не стал – не холодно, градусов двадцать пять сейчас тут. Поели сублимированную пищу, я назначил дозоры. Хорошо, что попался недалеко ручей, – я разрешил попить и набрать фляги. В пути лучше не пить вообще, только губы смачивать. Если начал пить – то уже не остановишься. И от воды человек грузнеет...

Моя вахта приходилась на самое хреновое время – с двух до четырех часов. Но делать было нечего – я проснулся от толчка в плечо, принял тяжелую снайперскую винтовку с ночным прицелом и пошел на позицию. Чтобы не спать – закинул в рот два леденца «Холлс», черных. Если идете на такое дело, на какое иду я, – покупайте сразу несколько упаковок. Они и жажду отбивают, и ночью не дают уснуть...

Позиция наблюдателя была на выступе, очень удобном, – тут дерево от ветра упало, и получилось и естественное укрытие, и защита. Тропа делает поворот, она двадцатью метрами ниже, и можно видеть метров двадцать тропы. Я устроился поудобнее, потом – наоборот, сел на ногу. Если нога затекает – не заснешь...

Тишина...

Вроде похоже на то, что у нас, – лес, горы, холмы – но нет. Не свое. Чувствуется, что это чужой лес. Поговорка «Дома и стены помогают» – над ней смеются, а напрасно...

Со стороны лагеря донесся шорох, я моментально прицелился туда...

Черт, Абаль...

Женщина не может без общения. Ей надо или поговорить, или...

Может, отодрать ее, чтобы успокоилась...

– Алекс?

– Тихо...

...

– Идите спать. Вам тут делать нечего.

– Можно, я тут посижу.

– Черт с вами, сидите. Только тихо...

Она устроилась рядом, на земле – как кошка. Просто удивительно, насколько женщины хорошо умеют искать свой уголок и вписываться в него.

---

¹⁵ Коврики. У нас это называется «пенка». На голой земле не лежат, даже летом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.